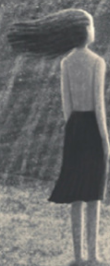

КОБО
АБЭ

Тайное свидание

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Кобо Абэ

Тайное свидание

«Азбука-Аттикус»

1977

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

Кобо Абэ

Тайное свидание / Кобо Абэ — «Азбука-Аттикус»,
1977 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-22295-3

Кобо Абэ — блистательная звезда послевоенного японского авангарда; его книги читают по всему миру, по ним снимают фильмы и ставят спектакли. Продолжатель традиций Достоевского, Эдгара Аллана По, Франца Кафки и Альберто Моравиа, предтеча Харуки Мураками, в каждом своем романе он творит сюрреалистическую реальность, которая переформатирует читательскую картину мира, искажает — или проясняет — призмы восприятия и всякий раз совершенно ошеломляет. Недаром еще один известный японский автор Кэндзабуро Оэ назвал Абэ крупнейшим писателем за всю историю литературы... В «Тайном свидании» жену главного героя увозят в больницу неизвестно откуда взявшиеся санитары, хотя она совершенно здорова. Пытаясь ее вернуть, ошеломленный герой погружается в больничный ад — кафкианское государство в государстве, сюрреалистический мир в себе, где единственный способ выжить — стать частью системы и играть по правилам, закрывая глаза на повсеместный и всем остальным привычный абсурд.

УДК 821.521
ББК 84(5Япо)-44

ISBN 978-5-389-22295-3

© Кобо Абэ, 1977
© Азбука-Аттикус, 1977

Содержание

Тетрадь I	7
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Кобо Абэ

Тайное свидание

Kobo Abe
Mikkai

© 1977 by Kobo Abe

© В. С. Гривнин (наследник), перевод, 1985

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

В любви к слабому всегда кроется стремление к убийству...

Тетрадь I

Пол – мужской
Имя — ...
Кодовый номер – М-73Ф
Возраст – 32 года
Рост – 176 см
Вес – 59 кг

На вид худой, но мускулистый. Страдает небольшой близорукостью и носит контактные линзы. Чуть выющиеся волосы. В левом углу рта едва заметный шрам (должно быть, следствие драки в школьные годы), характер скорее мягкий. В день выкуривает не более десяти сигарет. Проявил большие способности в катании на роликовой доске. В юности позировал обнаженным для фотожурнала. В настоящее время служит в фирме спортивных товаров «Плеяды». Заведует отделом реализации обуви для прыжков (спортивные туфли на эластичной пружинящей подошве из вспененного пластика). Хобби – конструирование движущихся моделей. В шестом классе был удостоен бронзовой медали на конкурсе школьников-изобретателей, организованном одной газетной компанией.

Приведенные ниже донесения – результат расследования, касающегося указанного мужчины. Оно велось неофициально, и поэтому донесения составлены не по форме.

Перед рассветом, точнее в четыре часа десять минут, я, согласно договоренности, пошел в бывший армейский тир накормить жеребца, и там совершенно неожиданно мне была поручена эта работа. Поскольку вначале я сам настоятельно просил тщательнейшим образом провести расследование, это поручение не было мне неприятно. Расследование, о котором я просил, заключалось в выяснении местонахождения моей жены. К сожалению, выяснить на месте, кто был с женой – мужчина или женщина, не удалось, вот я и подумал, что моя просьба удовлетворена. Обычно к расследованию привлекают лиц, обладающих определенной компетенцией, и в конце концов я пришел к выводу, что, во всяком случае, доверием жеребца я пользуюсь.

В то утро жеребец был в прекрасном настроении. Он раз восемь пронесся туда и обратно по утрамбованной земле бывшего тира длиной в двести сорок восемь метров. И упал всего лишь три раза – совсем неплохо.

– В общем, внутренне я вполне созрел, чтобы бегать на задних ногах, – сказал он, тяжело дыша, вытер лицо висевшим на шее полотенцем, залпом осушил принесенный ему пакет молока и с торжествующим видом начал приплясывать на задних ногах. – Все дело в привычке, я мог бы стоять и на одних передних. Но это неудобно. Хочешь бегать как настоящая лошадь – изволь отталкиваться только задними ногами, а передними лишь перебирай, чтобы не заносило в сторону.

Мы находились в том конце длинного, тоннелем протянувшегося с востока на запад тира, где раньше были мишени. В стенах, под самым потолком, как в железнодорожном вагоне, тянулись одно за другим наглухо закрытые слуховые окна, но свет через них не проникал – на улице было еще темно. Торцовая стена, обращенная к востоку, заложена мешками с песком, а перед ними – глубокий ров, отсюда, когда тир функционировал, выставляли мишени. Справа и слева от рва установлены огромные прожекторы для подсвета мишеней – другого освещения в тире не было. Поэтому западный торец, где находился огневой рубеж, – темная дыра. Приплясывающий жеребец отбрасывал на белую сухую землю двойную тень и казался мотыльком, трепещущим в блестящей паутине.

Он, видно, и в самом деле мнит себя жеребцом, поэтому спорить я с ним не стал, но на настоящего жеребца он мало похож. Слишком непропорционален: короткое туловище, отвислый зад, ноги полусогнуты, точно сидит на корточках. Даже игрушечное седло и то сползло бы с его спины. При самом благожелательном отношении его можно принять за рахитичного верблюжонка или за четырехногого страуса.

И как одет! На нем голубая с бордовой каймой майка, темно-синие трусы и белые спортивные туфли, а вокруг пояса, чтобы спрятать голое тело между майкой и трусами, повязан кусок хлопчатобумажной ткани. В общем, вид малопривлекательный.

– Вдумайтесь, ведь фактически то же самое происходит и с автомашиной. Если заранее не проверить тормоза задних, ведущих колес, на крутом склоне могут произойти серьезные неприятности. Ничего, вот надену на днях ваши туфли для прыжков и уж тогда набегаюсь в свое удовольствие.

Жеребец коротко рассмеялся, мне же было не до смеха. Вместо меня ему ответило прокатившееся по тире эхо. Видимо, предполагалось, что конструкция потолка – чередование арок и параллелепипедов – будет способствовать поглощению звука, но она оказалась малоэффективной. А может быть, такая конструкция позволяла обойтись без несущих опор?

Проглотив, почти не жуя, бутерброд с ветчиной и латуком, жеребец, потягивая несладкий кофе, который я принес в термосе, заявил, что хочет еще немного потренироваться. Наверное, он так старается, готовясь к юбилею клиники, который должен состояться через четыре дня. Чтобы выйти победителем, он, кажется, намерен пока не обнаруживать себя, но в оставшиеся дни вряд ли кто-нибудь заглянет в тир, так что на этот счет можно быть совершенно спокойным.

Расследование, о котором я говорил, было поручено мне незадолго до того, как мы расстались. Мне вручили тетрадь и три кассеты. Тетрадь большого формата, бумага плотная – та самая тетрадь, в которой я теперь пишу. Как мне объяснили, на оборотной стороне кассеты обозначены шифр для связи М-73Ф и порядковый номер, в ней хранилась звукозапись слежки за объектом моего расследования, сделанная с помощью подслушивающей аппаратуры.

Вся эта история представлялась мне весьма подозрительной. Хотя жеребец, видимо, предполагал какими-то сведениями, касающимися моей жены, однако делал вид, что ничего не знает. Это было отвратительно, но, подумал я, возможно, он теперь будет действовать иначе, и у меня отлегло от сердца. Как-никак с момента исчезновения жены прошло три дня. Убеждать себя, будто беспокоиться нечего, уже просто невозможно. Я взял все, что он дал мне, и вернулся домой. И сразу же поставил кассету. Прослушивание заняло чуть больше двух часов. Потом еще около часа я сидел в задумчивости.

Мои надежды не оправдались. Во всей записи я не услышал голоса, даже отдаленно напоминающего голос жены. Да и не только ее, там вообще не было никакого женского голоса. Подслушивающая аппаратура и сыщики выискивали, отслеживали, разоблачали только мужчину. Цоканье языком, покашливание, фальшивое пение, лай, униженная мольба, деланный смех, отрыжка, сморкание, робкие оправдания – все это раздробленный на мелкие осколки и выставленный на всеобщее обозрение мужчина. Причем мужчина этот – не кто иной, как я, мечущийся в поисках пропавшей жены.

Растерянность отступала, и волной накатывала злоба. Все, что мне говорил жеребец, оказалось сущей ерундой. Выходило даже, будто он меня дурачит. А вдруг он хотел сказать: прежде чем искать жену, найди самого себя? Но я не собираюсь заниматься таким безнадежным делом, я просто ищу жену. Искать же самого себя – все равно что карманнику украсть собственный бумажник или сыщику надеть на себя наручники. Нет уж, благодарю покорно.

К тому же было предусмотрено обеспечение правдивости моих донесений. Например, чтобы я не искажал факты в выгодном для себя свете, по первому требованию я должен добровольно подвергаться проверке на детекторе лжи. Именно такое условие было выдвинуто.

Далее, меня обязали избегать имен собственных. Самого себя следовало именовать в третьем лице. Так, мне было велено себя называть «он», а его – «жеребец» и иметь дело только с ним. В общем, создавалось впечатление, будто мне забили в рот кляп. Чего он опасается?

Итак, я начинаю свои записи. Я не могу сказать, что делаю это против воли, лишь выполняя поручение. Да и жеребец, как мне показалось, сегодня утром был подчеркнута искренним, стараясь, чтобы я не заметил его хитростей и уверток. Тренировался он изо всех сил, и на лице его, когда он поручал мне провести расследование, было написано сострадание. И еще одного нельзя упускать из виду: именно тогда он впервые употребил слово «инцидент». Тем самым – пусть косвенно – признав, что я нахожусь в чрезвычайно трудном положении. Это поразительное саморасследование можно, пожалуй, рассматривать как подготовку к детальному иску. Что касается пожелания жеребца, чтобы я писал о себе в третьем лице, то, возможно, оно вызвано стремлением придать особую достоверность этому иску и привлечь внимание всех, кому в нашем обществе надлежит ведать подобными вопросами (ведь существуют же люди, занимающиеся борьбой с преступностью и наблюдающие за поддержанием порядка). Когда я испытываю стыд, то способен на самые безрассудные действия, недоброжелательные выпады, самые необдуманные поступки.

Если удастся, я бы хотел, как было предписано, подготовить к завтрашнему утру нечто напоминающее донесение. Попытаюсь с помощью известных мне одному фактов восстановить фрагменты, записанные на магнитную ленту, и со всей возможной добросовестностью рассказать о лабиринте, куда я был загнан под именем «он». Впрочем, мне было бы и неловко выступать от первого лица – меня не покидает мысль, что, говоря от третьего лица, не так уж трудно найти выход из тупика, в котором я оказался.

Словом, если эти предварительные заметки не понадобятся, можно будет их вычеркнуть – я возражать не стану. Оставляю все на усмотрение жеребца.

Однажды летним утром неожиданно, без всякого вызова, примчалась машина «скорой помощи» и увезла его жену.

Случившееся было как гром среди ясного неба. Муж и жена спокойно спали, когда их разбудила сирена, и оказались в полной растерянности. Жена никогда ни на что не жаловалась. И тем не менее два санитара с носилками, хмурые и неразговорчивые – наверное, не выпалились, – считая естественным, что болезни всегда неожиданность, не обратили на их возражения никакого внимания. Вдобавок на санитарах были белые каски с кокардами, белые накрахмаленные халаты и даже противогазы через плечо. В карточке, которую они показали, были точно указаны не только фамилия и имя жены, но даже год, месяц и день рождения – противиться было бессмысленно.

При таких обстоятельствах оставалось одно: позволить событиям идти своим чередом. Жена тоже смирилась и, должно быть стесняясь своего измятого ночного кимоно – его давно уже следовало сменить, – легла, поджав ноги, на узкие носилки; санитары тотчас накрыли ее белой простыней и понесли прочь – муж и жена не успели сказать друг другу ни слова.

Распространяя запах жидкости для волос и креозота¹, носилки, поскрипывая, спускались по лестнице. Вспомнив, что жена все же успела надеть трусы, он немного успокоился. «Скорая помощь», сверкая красной мигалкой и завывая сиреной, умчалась. Мужчина, приоткрыв дверь, провожал ее взглядом – часы показывали четыре часа три минуты.

(Приведенный ниже разговор записан на второй стороне первой кассеты. Показатель счетчика – 729. Время – 13 часов 20 минут в день инцидента. Место – кабинет заместителя директора клиники, куда была доставлена жена мужчины. Голос заместителя директора звучит размеренно и негромко, изредка в нем проскальзывают саркастические нотки. Мой

---

¹ Креозот – маслянистая жидкость с резким запахом, применяется в медицине как антисептик.

собственный голос, поскольку я взволнован, тоже не лишен выразительности и звучит вполне сносно. Хотя следовало бы, конечно, избавиться от привычки проглатывать концы слов. И еще – режет ухо непрерывное тиканье часов, стоящих рядом с микрофоном.)

Заместитель директора. И все же я никак не пойму, почему вы не приняли никаких мер сразу на месте?

Мужчина. Я почему-то первым делом включил чайник, наверное, в голове у меня все перемешалось.

Заместитель директора. Вам нужно было сесть вместе с женой, в машину «скорой помощи».

Мужчина. Когда я позвонил по сто девятнадцатому², мне сказали то же самое.

Заместитель директора. Разумеется.

Мужчина. Неужели моя растерянность не кажется вам вполне естественной?

Заместитель директора. Случись такое со мной, я бы не растерялся. «Скорая помощь», мне кажется, как средство маскировки ничуть не хуже катафалка. Превосходный реквизит для преступления. В передвижном тайнике – полураздетая женщина и трое здоровенных мужчин в масках. Случись все это в кино, следующая сцена была бы ужасной. Так вы говорите, на вашей супруге было лишь тонкое ночное кимоно – о да, оно хорошо продувается и не липнет к телу, но зато легко и распахивается.

Мужчина. Не говорите таких страшных вещей.

Заместитель директора. Я шучу. Просто я реалист и не могу принимать всерьез вымышленные, нелепые истории.

Мужчина. Но ведь вы должны знать, прибыла ли машина «скорой помощи» в клинику.

Заместитель директора. По данным регистратуры – прибыла.

Мужчина. Может быть, охранник просто все это выдумал?

Заместитель директора. Пока, без доказательств, утверждать ничего не могу.

Мужчина. В таком случае я убежден: моя жена находится в клинике. Полураздетой уйти отсюда она не могла. Да и в такую рань был открыт лишь служебный вход, который бдительно сторожит охранник.

Заместитель директора. Если я узнаю что-нибудь, немедленно сообщу вам. И все же подумайте сами: взрослый самостоятельный человек среди бела дня заблудился в клинике. Не уверен, что полиция поверит подобным рассказам и заинтересуется этим делом.

Мужчина. А может быть, ее по ошибке насильно поместили в клинику?

Заместитель директора. Это могло произойти лишь в том случае, если ваша супруга отказалась подвергнуться осмотру.

Мужчина. Поместить сюда кого-нибудь не так-то просто; человек, не имеющий отношения к клинике, едва ли смог бы это сделать.

Заместитель директора. Пока достоверно известно одно: кто-то вызвал «скорую помощь».

Мужчина. Что же все это значит?

Заместитель директора. Если придерживаться фактов – произошло страшное несчастье. Что же касается моей компетенции – я сделаю для вас все от меня зависящее. Но мне прежде всего необходимы факты. Возможно, их сообщит охранник; поскольку ведется проверка его показаний – подождем результатов. А пока в первую очередь необходимо доказать вашу собственную невиновность.

Мужчина. Ну это уж слишком.

Заместитель директора. Я лишь рассматриваю возможные варианты.

Мужчина. Я жертва.

---

² Сто девятнадцать – номер телефона экстренных вызовов: «скорой помощи», пожарной команды и т. д.

Заместитель директора. Другими словами, всю вину вы возлагаете на клинику?

Мужчина. Не знаю, что и думать.

Заместитель директора. А что, если для начала посоветоваться с управлением охраны? Нужно самим удостовериться во всем на месте – иначе не избежать ошибок. Ведь и время, и место точно установлены, следовательно, чтобы вернуться назад, к моменту происшествия, нужно расспросить людей из амбулаторного приемного отделения. Может, удастся без особого труда найти двух-трех свидетелей.

(После этого заместитель директора клиники, который спешил на заседание Совета, ушел, а я – «мужчина» – был представлен его секретаршей главному охраннику. Обо всем происшедшем я составляю позднее подробное донесение, а пока привожу запись показаний охранника, бывшего свидетелем госпитализации жены. Первая сторона той же кассеты. Показатель счетчика – 206. Впоследствии достоверность сказанного подтверждена на детекторе лжи.)

– Если бы сэнсэй (заместитель директора клиники) сразу подробно расспросил меня, я рассказал бы обо всем без утайки. И наверное, было б еще не поздно все уладить, – в общем, я весьма сожалею.

Прежде всего, как больная, которой вы интересуетесь, была доставлена в клинику. Когда из центральной станции скорой помощи поступило распоряжение госпитализировать больную, примерно через полчаса, а точнее – в четыре часа шестнадцать минут, прибыла машина «скорой помощи», больная и санитары о чем-то громко спорили. По словам старшего санитаря, больная, которая вела себя смирно, пока машина не остановилась у ворот клиники, вдруг начала шуметь, а там и вовсе отказалась выходить из машины: я, говорит, не больная, я совершенно здорова. Подойдя к ним, я стал убеждать больную, что несведущий человек сам себе поставить диагноз не может, пусть ее по крайней мере осмотрит дежурный врач, но она меня и слушать не хотела, и в конце концов пришлось отказаться от вызова дежурного врача и медсестры. Но тут заартачились санитары: они, мол, не могут торчать здесь до бесконечности, им пора уезжать. Я им в ответ: а мне что прикажете делать? Тогда они сказали: в клинику-де везти здорового человека они бы не имели права; возразить мне было нечего, потом, старший санитар Оно – мой приятель, вот и пришлось подписать направление и принять больную. Если вспомнить, как часто в последнее время больные отказываются от госпитализации и приходится оставлять их в клинике против воли, то, думаю, я поступил правильно.

С дежурной медсестрой есть селекторная связь, но я сообщил, что отключаю селектор, и получил согласие.

Больная – маленькая, симпатичная (сначала он сказал – такие любому мужчине по вкусу, но потом поправился), круглолицая, светлокожая, большеглазая женщина, – хотя и была одета легко, немного вспотела. На ней было лишь кимоно (из хлопчатобумажной или синтетической ткани с черными тюльпанами на розовом фоне), подпоясанное шнурком из черных и зеленых ниток, и хлопчатобумажные трусики (оранжевые бикини), никаких вещей у нее не было. Из направления я узнал, что ей тридцать один год, но имя и местожительство, поскольку она отвечать отказалась, установить не удалось.

Когда мы с больной остались вдвоем, она вдруг так застеснялась, что даже шея у нее покраснела. Я говорю об этом, поскольку, мне кажется, такая деталь поможет установить личность больной. Потом она попросила у меня разрешения связаться по телефону с мужем; я вежливо объяснил ей, что звонить в город можно только по телефону-автомату из приемного отделения, и она стала просить у меня в долг десятииеновую монету, говоря, что за ней скоро придет муж и она отдаст мне сто или даже тысячу иен, но я при всем желании не мог исполнить ее просьбу. Я пошутил: пусть, мол, поищет под скамейками в приемном отделении, – может, туда случайно закатилась пара монеток, а она приняла мои слова всерьез и пошла к двери; я сразу пожалел о своей глупой шутке, стал всячески ее удерживать: я вам дам, говорю, что-

нибудь надеть на ноги, сидите лучше здесь и спокойно ждите, рано или поздно муж придет за вами; но она и слушать не хотела, вырвалась и убежала. Находясь при исполнении служебных обязанностей, я не имел права оставить пост – и не пошел за ней.

Больная так и не вернулась, я решил, что она в самом деле нашла нужную ей монету, и снова раскрыл недочитанный еженедельник; и еще я подумал: раз селектор был отключен, дежурный врач, не зная, в чем дело, направился сюда и по дороге встретил больную. Поговаривали, будто у него бывали связи с пациентками, и я, помнится, облегченно вздохнул. Вы, наверное, спросите, почему я облегченно вздохнул, но этого я и сам не пойму. Потом я, правда, узнал, что дежурный врач тогда ни на минуту не отлучался из кабинета, и устыдился своих подозрений. О дальнейшей судьбе больной мне абсолютно ничего не известно. С полной уверенностью могу сказать лишь одно: после нее служебным входом, где я дежурю, не воспользовался никто.

Я перечитал вышеизложенное и подтверждаю: все произошло так, как здесь написано, что и удостоверяю подписью.

Вернемся в комнату мужчины. Именно в это время начала стучать алюминиевая крышка вскипевшего чайника. Он решил успокоиться, выпив чашечку кофе. Но фильтровальную бумагу – сколько ни искал ее – найти не смог. Его снова обдало холодом безысходности. Будто «скорая помощь» забрала не только жену, но и все те мелочи, из которых складывалась его повседневная жизнь. Стоя, он выпил кипятку. На лбу выступил пот, но колющие ледышки в желудке так и не растаяли.

Где-то пронзительно мяукает кошка. Нет, это сирена мчащейся по переулку «скорой помощи». Может быть, обнаружили ошибку и жену везут обратно? Открыл окно. На ставнях из гофрированной жести сверкает влажная от росы паутина. Вой сирены замолк. Наверное, механическая кошка, у которой началась течка, встретила наконец с новым партнером. В эти часы, когда уже нет прохожих, улицы превращаются в царство возбужденных механических кошек.

Доносится сладкий запах жареных бобов. Должно быть, в это время на фабрике фото-пленки начинают сжигать отходы. Этот дурманящий запах возвращает ощущение реальности. Он закрыл окно. На улице скрипнул тормоз велосипеда. Принесли утренние газеты – разносчик в туфлях на резиновом ходу старался ступать как можно тише. Читать не хотелось, но он по привычке взял газету. Бегло просмотрел политические новости на первой странице и стал читать колонку предсказателя судьбы на последней.

Откормленный, ухоженный, широколобый,
высокий, вислоухий, крупноголовый,
вислобрюхий, толстоногий слон.

Вдруг точно резануло – жене не во что переодеться. В таком виде и в такси не сядешь. Ей остается одно – позвонить. Монету для автомата она сможет одолжить у кого угодно. Любой, кому она расскажет о случившемся с ней нелепом происшествии, просто посмеется и, конечно, проявит сердечность и понимание.

Решил ждать телефонного звонка. Успел три раза просмотреть газету, а звонка все не было. Неужели понадобилось столько времени, чтобы достать десятииеновую монету. Фотография закусочной, сгоревшей от взрыва пропана. В нижнем правом углу на той же странице бросилось в глаза объявление о пропавшей собаке.

Наконец решился. Нужно справиться по сто девятнадцатому.

Ответили почти сразу же – все-таки телефон экстренного вызова.

– Сто девятнадцатый слушает.

Подумал, а не слишком ли торопит события. И с неприятным чувством опустил трубку на рычаг. Но телефон тотчас зазвонил – мужчина в растерянности попятился в дальний угол комнаты. Видимо, телефон экстренного вызова снабжен приспособлением, автоматически замыкающим линию, и не отключается, пока абонент не снимет трубку. Телефон все трезвонил, нещадно терзая мужчину.

Пришлось капитулировать. Взял трубку.

Попытался объяснить, что произошло, но, как и предвидел, это было совсем непросто. Да и что удивительного: как убедить другого в реальности события, когда человек, которого оно непосредственно касается, сам не может найти удовлетворительного объяснения?

Собеседник на другом конце провода отвечал терпеливо, осторожно подбирая слова. Если речь не идет о неожиданной смерти на улице, обращение к нам члена семьи лица, помещенного в клинику, – случай беспрецедентный. Без вызова выезд машины «скорой помощи» немислим, и, поскольку он имел место, следует предположить, что к этому причастен кто-то из членов семьи госпитализированной. Таким образом, весьма сомнительно, является ли членом семьи человек, который отрицает вызов, хотя факт госпитализации имеет место. И вообще на такого рода вопросы отвечать никто не обязан. Направления центра скорой помощи являются документом служебного пользования, и вполне достаточно, чтобы о случившемся знал лишь тот, кто имеет к этому прямое отношение.

Убедить немисливо, но и возразить нечего. Вытер потную ладонь подолом рубахи и постарался взять себя в руки. Оказывается, служба скорой помощи относится к своим обязанностям гораздо серьезнее, чем он предполагал. Нечего суетиться, еще нет и шести утра. До сих пор жена могла общаться лишь с немногочисленными ночными дежурными. Можно вполне себе представить, что ни у кого из них не нашлось мелкой монеты.

Комнату осветило солнце. Это были всего лишь отражавшиеся от ребер жестяных ставен солнечные лучи, которые рано утром в середине лета на несколько минут проникали в комнату, но все равно это были настоящие солнечные лучи. Тьма делает человека беззащитным. Полно, разумно ли поднимать шум и позорить собственную жену? Побрившись и умывшись, он съел помидор. Проверив содержимое портфеля, удостоверился: каталогов туфель для прыжков у него достаточно.

Речь идет о спортивных туфлях на специальной эластичной подошве. Она сделана из пластиковых трубок, наполненных воздухом, что придает ей особую упругость, вроде резинового мяча. При умелом пользовании такими туфлями прыгучесть возрастает примерно на тридцать семь процентов. Это – новый замечательный товар, получивший огромную популярность среди учеников начальной и средней школы, в таких туфлях дети играют на школьном дворе, причем в перспективе намечается возможность значительного расширения их производства, ведь благодаря этим туфлям может появиться новый популярный вид спорта.

Сегодня он намерен добиться заказов – крупных и мелких – самое меньшее в шести местах. В последнее время закупочные отделы фирм, даже тех, которые редко занимались раньше спортивными товарами, стали проявлять повышенный интерес к изделиям, способствующим укреплению здоровья. Во многих магазинах открыты специальные отделы. «Покупайте наши товары, – гласит реклама, – и вам не понадобится врач». Заколов темно-синий галстук серебряной булавкой, он сразу превратился в процветающего дельца.

Решил направиться в расположенную неподалеку пожарную часть. Он уже получил урок от сто девятнадцатого и потому особых надежд не питал. Однако загорелый начальник, проводивший во внутреннем дворе утреннюю зарядку с молодыми бойцами, оказался настолько любезен, что откликнулся на его просьбу, назначив вместо себя одного из бойцов. Пожарная часть находилась рядом с его домом, но район другой, поэтому начальник позвонил в соседнюю часть, и, пока они ждали ответа, мужчину угостили даже чашкой горячего чая.

Действительно, выезд «скорой помощи» в четыре часа утра зарегистрирован. Указанные местожительство и имя совпали, и тогда без всякой просьбы с его стороны сообщили, в какую клинику увезли жену. Завязка была абсурдной, а сейчас все выстраивалось до смешного стройно. На огромной карте, висевшей в пожарной части, мужчине указали, где находится клиника и как туда добраться. Ему показалось, что клиника слишком далеко от района, где он жил, но ему объяснили: в случае срочной госпитализации расстояние роли не играет – это его убедило. Не мешкая, он направился к автобусной остановке. Сперва он подумал, что еще слишком рано, но очень уж не хотелось прерывать столь удачное начинание.

Семь часов тридцать две минуты, на остановке выстроилась очередь – человек пятнадцать. С автобуса он пересел на электричку, потом – на метро и снова на автобус.

Он сошел с автобуса на остановке «Клиника» и вдали, на широкой пересекающей дорогу улице, сразу увидел больничные ворота. С первого взгляда стало ясно: усеянная гусеницами, как виноградинками, улица, вдоль которой шпалерами стояли вишневые деревья, чьи густо переплетенные кроны образовали тенистый коридор, используется только клиникой, движения по ней почти не было. Металлические ворота были еще заперты. Одна створка недавно выкрашена в черный цвет, на другой под слоем пыли кое-где проступала ржавчина. Наверное, сейчас ворота как раз перекрашивают.

На перекрестке стояла телефонная будка. Без шести минут восемь – до открытия клиники время еще есть, так что он, пожалуй, успеет позвонить в фирму. Отдел реализации не отвечал. Набрал номер молодого сотрудника, живущего в общежитии на территории фирмы. Тот как раз собирался выходить. Попросил выполнить вместо него дела, намеченные на утро, так как ему даже трудно представить, сколько времени займут поиски жены. Сотрудник, не слушая объяснений, охотно обещал все исполнить. Спрос на туфли для прыжков сейчас резко идет в гору, и те, кто занимается их сбытом, отчаянно борются за клиентуру. Кто же откажется провести крупную оптовую сделку, которую предполагал совершить сегодня сам заведующий отделом. Мужчина был назначен ответственным за реализацию этих туфель лишь потому, что подобные сделки он заключал очень успешно. Он завоевал прочную репутацию специалиста по крупным заказам. Возможно, успеху мужчины способствовало его исключительное умение демонстрировать туфли покупателям. Стоило ему надеть их на ноги и побежать – тотчас создавалось впечатление, будто смотришь замедленную съемку рывка первоклассного бегуна на финишной прямой. Было ясно, в реальности удастся увидеть и настоящую скорость. Он мог, как акробат на батуте, без всякого разбега легко сделать сальто. На самом же деле он затрачивал энергию, пропорциональную объему работы, и демонстрации эти стоили ему большого труда. Зато непосвященным казалось: вот они – новые огромные возможности человека, и отзывы были самые благоприятные. Нет, его демонстрации вовсе не были обманом, ведь он не выдавал их за нечто сверхъестественное. Но он твердо верил: если хоть на минуту отбросить стыд и проделать акробатический номер, то уж с двумя из трех клиентов непременно заключишь сделку. Ну а сегодня он не очень-то сокрушался из-за потерянного утра – успеет еще наверстать упущенное.

Но ему необходимо показаться на совещании по реализации во второй половине дня. Будет, как предполагалось, присутствовать директор фирмы, ездивший в Канаду на выставку игрушек. Он хотел лично вручить самому директору свой план улучшения эластичной подошвы, над которым давно работал. Мужчина еще не освободился от гордости и честолюбия участника конкурса школьников-изобретателей. Ему очень хотелось добиться признания его технического таланта. Быть может, он заблуждался, но ему казалось, будто и нынешней своей должностью заведующего отделом, достигнутой им с большим трудом, он обязан тому, что прежде занимался любительским спортом и позировал обнаженным для фотожурнала.

Несмотря на все успехи, он пока не сумел проявить свои истинные способности. Но если теперь ему удастся запатентовать свое изобретение, то, можно рассчитывать, отношение к нему руководства фирмы в корне изменится.

Сквозь стекло в телефонную будку вползла чья-то тень и накрыла тень мужчины.

К кабине подошла женщина, примерно одного с ним возраста, и заглянула внутрь. Взгляды их встретились, но она даже не отвела глаз, прикрытых очками без оправы, словно разглядывала неодушевленный предмет. Она была хорошо одета: темно-синие спортивные брюки, плотно облегающие полные ляжки, белая в желтый горох кофта. Судя по тому, что рядом клиника, наверное, медсестра, подумал он. Положил трубку и вышел из будки. Придержал дверь, пропуская ее.

Но женщина не двинулась с места, и он столкнулся с ней нос к носу. Ее волосы пахли обгоревшей спичкой. Стекла очков, отсвечивая, казались цветными. В ложбинке между грудей блестящими шариками сверкали капельки пота.

– Чем вы больны?

Она заговорила таинственным шепотом, и мужчина, растерявшись, промямлил:

– Да нет, я не болен...

– На вид-то вы крепкий. Спортом небось занимаетесь?

Она легонько взяла мужчину за локоть и, перебирая пальцами, стала ощупывать мускулы. С этими приемами медика-профессионала она явнохватила лишку. Он попятился от нее. Но женщина прижала его к решетке, ограждавшей аллею, отступить было некуда.

– Фу, у вас гусиная кожа, – продолжала она насмешливо. – Верный симптом – либо невроз, либо астма. Человек с развитой мускулатурой, как правило, не может управлять своими нервами. У вас есть кому показаться?

– Зачем? Я не болен.

– Возможно, – сказала она успокаивающе, но тотчас снова заладила свое: – Не зря же говорят: змеиная тропа извилиста, как сама змея. Чем слушать советы невежественных людей, которые направят вас неизвестно к какому врачу, гораздо надежнее обратиться к услугам профессионального посредника. По вашим запросам, сэнсэй, будет назначена и цена: есть первоклассные молодые врачи, а берут они недорого; главное – выяснить, чем вы больны, какой специалист вам нужен. Консультироваться с врачом без опыта, без имени – бессмысленно.

Закончив свою речь, она протянула визитную карточку.

Десять лет со дня основания

Оказываю услуги в выполнении
всех формальностей, связанных с неотложной
помощью, хирургией, госпитализацией,
выпиской из клиники и т. д.

Официальная посредническая контора Мано
Больничная аллея, 8 Тел. (242) 24–24

Вдруг прогремел голос, усиленный мегафоном:

– Всех, кому нужна стоянка, прошу ко мне! Всех, кому нужна стоянка, прошу ко мне!

Ему вторил другой мегафон:

– Дешевый набор для госпитализации! Набор, необходимый для госпитализируемого больного! Только до полудня! При кровотечениях большая скидка!

Женщина прикусила нижнюю губу и смущенно рассмеялась:

– Страшная конкуренция.

В небольших, похожих на магазины строениях по обе стороны аллеи начали готовиться к открытию. Здесь распаивали ставни или поднимали железные шторы, поливали тротуар перед

входом, выставляли рекламные щиты, там уже все было готово – и на стульях под навесами расселись молодые люди с мегафонами. Это были посреднические конторы.

– Я в самом деле здоров и вовсе не думал показываться врачу.

– Не хотите врачебного осмотра – не нужно. Могу предложить что-нибудь другое. Мы даем любые консультации.

– Обойдусь.

– На днях мы помогли одному оптовику, торгующему шахматами с магнитной доской – в них можно играть даже лежа, – установить контакт с закупочным отделом клиники – он был безмерно рад; другой случай – телевизионщики просили придать умирающему нужное выражение лица – все было сделано согласно заказу...

– В приемном покое клиники наверняка постоянно дежурит врач, а может, есть и особый приемный покой для неотложной госпитализации. Мне нужно встретиться с одним из сотрудников, уточнить кое-что.

– Уж не репортер ли вы?

– Ну что вы.

– Вы говорите «уточнить». Легко сказать, все знают – в клинике строжайший режим. Вход туда категорически запрещен, только машины «скорой помощи» въезжают беспрепятственно. Дашь одному поблажку – отбоя от посетителей не будет: и бездомные, и пьяницы под любым предлогом попытаются пролезть туда.

– А если воспользоваться главным входом и после необходимых формальностей получить официальное разрешение на свидание?..

– Человеку неискушенному это не так-то легко сделать. Приемный покой начинает работу в девять часов. Смена ночного персонала в восемь, к половине девятого уже никого нет, как тут успеть?

– Который час?

– Уже опоздали, на две минуты.

– Проболтал тут с вами.

– Я ведь сказала вам: змеиная тропа извилиста, как сама змея. Предварительная плата – семьсот восемьдесят иен. Здесь никакие скидки невозможны, но, если мы сговоримся, общую стоимость услуг можно снизить до двух с половиной тысяч.

(Мне кажется, я чересчур подробно рассказываю об этом эпизоде у телефона-автомата, не столь уж, по-моему, важном, если иметь в виду цель моего расследования. Поскольку я не должен говорить от первого лица, ставьте без стеснения третье – не возражаю. Во всяком случае, это первая запись на магнитофонной ленте, полученной мною от жеребца. Право, не пойму, как случилось, что за мной началось наблюдение с помощью подслушивающей аппаратуры раньше, чем я встретился с кем-либо из клиники. Остается предположить, что исчезновение жены было заранее спланировано. Я собираюсь завтра утром задать этот вопрос непосредственно жеребцу.)

Контора женщины находилась в седьмом по счету доме от телефонной будки. В витрине, занимавшей половину стены, были выставлены образцы товаров и перечень услуг с точным указанием цен: «посещение больного» – столько-то, «молитва о полном выздоровлении» – столько-то и так далее. Около двери стояла свернутая бамбуковая штора, – наверное, ею закрывают витрину от солнца. В конторе царил полумрак, за стойкой, идущей вдоль стены, сидел низенький человек, лысый, но с бородой.

– Клиент, – бодро сказала женщина бородатому и, подмигнув мужчине: «Оплатите, пожалуйста», скрылась за дверью, сливавшейся со стеной из-за приклеенного к ней огромного календаря с фотографиями девиц в купальных костюмах.

Бородатый вынул из-под стойки листок бумаги и предложил мужчине стул.

– Жаркий сегодня денек.

- Сколько я должен?
- Семьсот и еще восемьдесят...

Стоиеновые монеты бородатый спрятал в небольшой сейф, десятииеновые – в ящик стойки. Взамен протянул бумажку, лишь по виду напоминающую квитанцию, но зато скрепленную настоящей печатью. Сев на самый краешек стула и опершись о спинку, он рассеянно озирался по сторонам, нервно шевеля пальцами, сцепленными на груди. Между пальцами вдруг появилась десятииеновая монета. Потом она разделилась на две. Те тотчас снова слились в одну, которая неожиданно распалась на три. Все это происходило стремительно – пальцы мужчины сновали с такой ловкостью, что непонятно было, делится ли одна монета на три или три сливаются в одну.

- Вполне профессионально.
- Это моя специальность. С недавних пор настало время магии. Обычные фокусы выходят из моды.
- Разве между магией и фокусами есть разница?
- Фокусы – это искусство, магия же – обыкновенная ловкость рук. – Десятииеновая монета исчезла между пальцами. – Вы страдаете венерической болезнью?
- Почему вы так решили?
- Люди, которые не хотят прямо сказать, зачем им нужно попасть в клинику, как правило, страдают венерической болезнью.
- Я не болен.

По листве вишневой аллеи пробежала рябь, – кажется, подул долгожданный ветер. В конторе напротив еще громче заорал мегафон:

- Одежда напрокат – фирма «Сакура»! Подбирает размер, цвет, фасон – фирма «Сакура»! К женскому платью – одно украшение бесплатно. Фирма «Сакура» гордится богатством выбора, опытом, репутацией. Сумма залога минимальная, имеющим при себе водительские права – скидка пятьдесят процентов. Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать! Одежда напрокат – фирма «Сакура»...

- Мне как раз и нужно платье напрокат.

Мужчина непроизвольно приподнялся, словно вставая со стула. Поглощенный желанием узнать местонахождение жены, он совершенно забыл, что ей необходимо переодеться.

- Увести собираетесь? – С видом заговорщика бородатый погладил заросшую щеку.
- Что значит «увести»?

Вместо ответа бородатый, положив на стойку большой альбом, заговорил с жаром:

- Возраст, размер, любимый цвет... Не надо подробностей – в самых общих чертах, достаточно лишь приблизительно знать рост; поскольку одежда предполагается не для мужчины, лучше всего платье свободного покроя.

- Примерно метр шестьдесят, полнота – н-ну... в общем, обычная.

Бородатый стал быстро листать альбом; растянув накрашенные губы, мужчине улыбался со страницы тонконогий манекен в платье без рукавов. Легкая ткань, заложенная на талии складками, нависала над туго стянутым поясом. Не будь платье светло-бежевым, оно казалось бы старинным одеянием.

- Как, нравится? С помощью пояса платью можно придать любую длину, его легко сложить и спрятать в карман. Более удобной вещи для увода не найти. Теперь как насчет кольца, бус, солнечных очков? Даже взятая напрокат одежда благодаря таким мелочам преобразается до неузнаваемости.

Вернулась женщина, звонившая по телефону ночному охраннику. Он уже собирался домой. Ей с трудом удалось уговорить его побеседовать с мужчиной. Вознаграждение, включая залог за платье, составляло пятнадцать тысяч пятьсот иен. В бумажнике осталось всего тысяча двести тридцать иен. Пока женщина выписывала счет, бородатый заворачивал платье. Он был

прав – сверток и впрямь легко уместился в кармане. Кое-что, сказал он, приложено в качестве премии; но мужчина – ему было явно не до премии – торопливо вышел на улицу.

Чтобы попасть к служебному входу, нужно пройти метров триста вдоль ограды влево от центральных ворот. Дав краткие указания, как вести разговор с охранником, женщина, поглаживая его по плечу, зашептала доверительно:

– Ну, бегите. Если что, свяжитесь со мной.

Мужчина помчался по вишневой аллее. В таком запале, решил он, можно пробежать стометровку меньше чем за тринадцать секунд.

Сквозь просвет в изгороди был виден пустырь. Потом показался бетонный скат с бороздками, чтобы прохожие не скользили. В конце – нужная ему дверь. Короткая трубка, торчащая наискось от красной лампочки над дверью, наверное, глазок обзорной телекамеры. Следуя наставлениям женщины, он нажал черную кнопку – пониже красной, предназначенной для машин «скорой помощи», из динамика тотчас прозвучал чей-то голос. Едва он назвал номер посредницы Мано, дверь отворилась. Должно быть, ею управляли на расстоянии. Серая пустота, точно мокрая бумага, облепила лицо; вокруг ни души.

Когда глаза привыкли к темноте, серая пустота превратилась в белый приемный покой. Он был не особенно просторным, – наверное, им пользовались лишь для неотложной госпитализации. Примерно четверть помещения занимала каталка для перевозки больных. Кафельный пол и верхний свет – как в операционной. Не исключено, что в случае необходимости здесь оказывали и первую помощь. В двери запасного выхода окошко регистратуры, справа еще две двери. Дальняя обита нержавеющей сталью. Другую стену составляли огромные створки грузового лифта. Все двери, кроме стальной, выкрашены в белый цвет. Наличник окошка и занавеска за стеклом тоже белые.

Мужчина даже попятился при виде такой белизны. В этом цвете, начисто лишенном индивидуальности, чувствовалась какая-то злая, леденящая сила. С особой остротой он ощутил, как велико расстояние, отделившее его от жены.

Занавеска отошла в сторону. Окошко раскрылось наполовину, и появилось сумрачное лицо глядящего исподлобья старика. Его вялый, равнодушный вид нагнал на мужчину еще большую тоску.

Представляться не пришлось. Охранник прекрасно знал цель посещения. Хороший симптом. Значит, жену привезли именно сюда. Охватившая его слабость снова напомнила о пережитом страхе и напряжении. Видно, посредница Мано посулила охраннику хорошую плату, – во всяком случае, раскрыв рот, он болтал без умолку, что никак не вязалось с его неприветливым видом. Впрочем, равнодушный вид его объяснялся, пожалуй, тем, что он весь ушел в свои мысли. У него была неприятная привычка – разговаривая, облизывать верхнюю губу. То и дело выглядывавший кончик языка был неестественно-красным. Темные пятна на скулах и седина старили его не по возрасту.

И все же он слишком болтлив. К чему это многословие, ведь нужно лишь одно – узнать, где находится жена. Он вроде пытается замутить воду, взбаламучивая осадок на дне горшка. Мужчину вновь охватило беспокойство.

(Показатель счетчика – 68. Здесь было снова включено подслушивающее устройство; после переговоров с посредницей Мано, которую я встретил у телефона-автомата, оно временно бездействовало. Теперь, вероятно, использовалась аппаратура другой системы – звучание сильно отличается от прежнего.

В запись, начатую с отметки 68, не включены: отказ жены подвергнуться осмотру, сообщение о том, что в поисках десятиценовой монеты она направилась в амбулаторное приемное отделение, – поскольку все это подробно изложено в свидетельских показаниях охранника, приведенных в моем донесении, – отметка счетчика – 206. Опираясь на показания

охранника, попытаемся восстановить все, что относится к загадочному исчезновению жены. Частично я попытался дополнить их сведениями, которые получил позже.)

Охранник был в смятении. Не явись сюда мужчина собственной персоной, он бы, наверное, представил все так, будто ничего и не случилось.

В восемь часов восемнадцать минут, когда ему позвонила посредница Мано, охранник как раз передал пост своему сменщику – передача эта всегда начиналась в восемь ноль-ноль – и только что вернулся в дежурку. Для него процедура смены состоит обычно в следующем: прежде всего, смотрясь в ручное зеркальце, он причесывается, считает выпавшие волосы, внимательно проверяет воротник белого халата. Халат у охранника короткий, доходит лишь до бедер, ворот с черной окантовкой, небрежность сразу бросается в глаза. Затем, убедившись, что связка ключей в полном порядке, он выходит в дверь напротив запасного выхода и по узкому специальному коридору направляется в приемное отделение. Это огромный зал, чуть ли не с теннисный корт. Если смотреть от входа, с правой стороны – окошки аптеки и расчетного стола, слева – окошки регистратуры, прямо – проем метров пять шириной, отгороженный стальной противопожарной шторой, ведущей в диагностический и процедурный кабинеты. Над аптечным окошком – электронное табло, показывающее номер готового лекарства. Больше половины помещения занимают повернутые к табло девять скамей, стоящие в четыре ряда, – это едва ли не вся мебель приемного отделения. В левом нижнем углу стальной шторы – небольшая дверца. За ней слышен голос дневного охранника, ведущего переключку уборщиц.

Без пяти восемь звучит сирена. Ночной охранник, внимательно осмотрев приемное отделение, отпирает дверцу. В нее, пригнувшись, входит дневной охранник. На нем точно такой же короткий халат, ворот с черной окантовкой. Они обмениваются установленным приветствием. Передается связка ключей. О чрезвычайных происшествиях сообщается устно или письменно.

К этому времени приходят на работу фармацевты и служащие. Со второго этажа (здание построено на крутом склоне, поэтому вход на втором этаже), где у каждого сотрудника свой запирающийся шкафчик для одежды, они спускаются по лестнице прямо к своим рабочим местам. За окошками начинается оживленное движение, но в приемном отделении по-прежнему полная тишина. Охранники вместе обходят помещение. Это не более чем ритуал, лишенный всякого смысла. На этом передача дежурства заканчивается, дневной охранник отпирает туалет и кладовку с принадлежностями для уборки помещения и подает знак через дверцу в шторе – тут же, оживленно обмениваясь новостями, входят пять уборщиц и начинают свой рабочий день. Дневной охранник направляется в дежурку, а ночной – свободен.

Однако в то утро все было немного по-другому. Машина «скорой помощи» доставила больную, которой интересуется мужчина. Причем с того момента, как она отправилась в приемное отделение за десятиеновой монетой, пошел уже пятый час. Никто за ней так и не пришел. Охранника охватило дурное предчувствие. Отвратительное ощущение, как от запаха глеющего в пепельнице окурка. Пойти и все выяснить он почему-то побоялся. А теперь уж ничего не поделаешь – хоть наизнанку вывернись. Может, устав от поисков монеты, она присела на скамью и задремала. Значит, еще до пересмены нужно было достать ей, во что переодеться, и потом, не привлекая внимания, выпустить ее через служебный вход. С ней вполне можно было договориться, и любая посредническая контора взялась бы выполнить заказ в кредит.

Но случилось самое худшее. Женщина исчезла. Искать человека в помещении, где все на виду, – глупо, но он тщательнейшим образом искал ее повсюду: за колоннами, в стенных нишах, под скамьями. Понимая полную бессмысленность этого, проверил все выходящие в приемный покой двери – аптеки, расчетного стола, справочного. Они были заперты изнутри.

В голове вертелся проклятый вопрос: как рассказать об этом дневному охраннику, убедить его? По ночам приемное отделение превращается в тупик, покинуть который можно лишь через служебный вход. Потайная комната, так часто появляющаяся в детективных романах? Разумеется, он начал строить разные предположения. Должна же потайная комната иметь хоть

какую-то лазейку. Но в одиночку воспользоваться ею немыслимо. Нужен сообщник. Ведь все двери запираются изнутри, и без ключа, находясь в приемном отделении, открыть их невозможно.

Но кто был ее сообщником? Кое-какие подозрения у него возникали. Жаль, продиктованы они были не знанием, а интуицией. Да и потом, если его умозаключения верны, от сообщника этого ничего хорошего не жди. Выложишь наобум подобные подозрения и накличешь беду на свою голову. Можно было, конечно, доложить об исчезновении женщины – и делу конец. Но тогда бы его заподозрили в том, что он спал на посту. И он решил: сделаю вид, будто вообще ничего не случилось, о женщине – никому ни слова.

Но едва он укрепился в своем решении, позвонила посредница Мано и сообщила: с ним хочет увидеться мужчина. Вот незадача. Все равно мужчине этому ничего не узнать о случившемся. Будет небось приставать с расспросами о той женщине. Самое лучшее – не встречаться с ним. Но если отказаться от встречи, мужчина попадет в руки дневного охранника. Еще хуже. Его ложь тут же всплывет наружу. Соккрытие любого происшествия – тягчайший проступок, так – черным по белому – и написано в инструкции. Не глупо ли, покрывая чужие делишки, вылететь со службы? Нет, видно, встречи не избежать. Да и что это за мужчина, у которого из постели увели жену? Заморочу ему голову как-нибудь, рассуждал охранник.

(Приклеенная полоска – копия последней строчки, записанной в книге регистрации неотложных случаев.)

	1977	До полудня		да
6	VI	4.16	Облачно	Скорая 31 Ж.

– Та, кого вы разыскиваете, случаем, не она? – спросил охранник хриплым после ночного дежурства голосом, просовывая в окошко регистрационную книгу в толстом переплете.

На последней строчке раскрытой книги была запись, доведенная лишь до половины и перечеркнутая двумя жирными красными линиями, означавшими, видимо, что она аннулирована.

– Возраст совпадает, время тоже, в общем, совпадает.

– В таком случае ничем помочь не могу. Сами видите, имя и местожительство не указаны. Значит, официально она не была принята.

– Но и домой ведь она не вернулась. Все это очень странно. Подскажите, где ее искать, я сам возьмусь за поиски.

– Где, спрашиваете? Я на это могу ответить одно – здесь.

– Здесь?..

Во всем облике мужчины, в его взгляде отразилось накотившее волной напряжение. Охранник презрительно улыбнулся. Два передних зуба были у него неестественно-белыми.

– В общем, я хочу сказать, если здесь ее нет, искать где-нибудь еще бесполезно.

– Но здесь-то она есть?

– Поищите – узнаете.

Чтоб было удобнее наблюдать за женщиной, охранник отодвинулся от окошка. Дежурное помещение – прямоугольник в восемь дзё³, вдоль стен – узкие полки из тонких металлических трубок, столик на металлических ножках. Человеку там спрятаться негде.

– Да ей бы в тогдашнем ее виде выйти из клиники не удалось.

³ Дзё — мера площади, равная 1,5 кв. м.

– Конечно не удалось бы.

– Может, тогда заявить в полицию?

– Я бы этого не делал. Только опозоритесь еще больше. Тридцать один год – это же зрелая, вполне независимая женщина. И чтобы она не могла отбиться – кто этому поверит?

– Сколько меня ни уверяйте, будто она исчезла, как заяц в шляпе фокусника...

– Нет, ловкость рук здесь ни при чем.

– Куда поднимает этот лифт?

Мужчина обратил внимание на лифт в глубине комнаты – интересно, куда на нем можно попасть? Охранник сразу же оживился. Выйдя из дежурки, он преградил мужчине путь к лифту и беззастенчиво оглядел его с головы до ног.

– Ну и надоели вы мне. Ладно, скажу – лифт идет прямо на третий этаж. Там кабинеты дежурного врача, дежурной сестры и неотложной помощи. Поднимает тяжелых больных, доставленных «скорой помощью», опускает трупы, когда врач удостоверит смерть... Нет-нет, ваша жена им не пользовалась. Не поднималась, не опускалась.

– Хорошо, но где же она?

Охранник повернулся и открыл дверь, обитую нержавеющей сталью. Блестящую и гладкую дверь. По ногам поплыла волна холодного воздуха.

– Это холодильник для трупов. Если он пустой, в нем можно охлаждать пиво – очень удобно. Некоторые пользуются, даже когда там покойник, а я не могу – противно. Когда пусто – другое дело.

Охранник приладил вынутую бутылку пива к дверной ручке и привычным движением сорвал пробку. Наверное, оттого, что оно было холодное, пена из бутылки не пошла. Засунув руку в окошко, он достал чашку, обтер края пальцами и наполнил ее.

– Погодите-ка со своими вопросами.

Выпив чашку залпом, охранник снова наклонил над нею бутылку и пробурчал без всякого выражения:

– Если хотите, я расспрошу, с кем вам лучше связаться. Узнаю – сразу скажу.

Мужчина не сводил глаз с охранника. Он не шевельнулся, покуда тот не опорожнил бутылку.

Вроде и охранник чувствовал себя неловко. То и дело стирая со лба пот и вздыхая, он в конце концов понял: нет, ему не устоять перед упрямством мужчины, которое в нем с первого взгляда и не заподозришь. Уставясь на пену, пузырившуюся на дне чашки, охранник заговорил с таинственным видом.

Да, будь такая возможность, хорошо бы вам убедиться на месте, что приемное отделение, где исчезла ваша жена, – тупик и ночью из него нет выхода. Но меня, к сожалению, уже сменил дневной охранник, и уборщицы приступили к работе. А если вы попытаетесь заглянуть туда тайком, вас сразу запомнят, и это помешает дальнейшим поискам. Главное – постараться сохранить все в тайне. Представьте себе, это – цилиндр фокусника, где упрятан заяц, и убежать из него невозможно.

Нет, исчезновение не было ни случайностью, ни ошибкой, как это представляется мужчине. Не будь у нее сообщника, ей ни за что бы не уйти из той потайной комнаты, ведь двери-то были закрыты. Пусть с этим нелегко примириться, но нужно смотреть правде в глаза.

Итак, предположим, у нее был сообщник. Тогда необходимо ответить на вопрос, кто он. Стоит пораскинуть умом, и станет ясно: как это ни печально, ее сообщником мог быть только молодой врач, выезжающий на вызовы. Разумеется, можно заподозрить и врача, дежурившего в клинике, или кого-то из служащих, но здесь слишком много людей, наверняка попадешься на глаза медсестрам или коллегам. Вдобавок, чтобы попасть в амбулаторный корпус, надо пройти – из конца в конец – по длинному коридору, пересечь ярко освещенный двор, и, будь ты даже в

белом халате, служащем своего рода пропуском, скорее всего, тебя увидит ночной сторож, а он достаточно бдителен и сразу заметил бы подозрительного человека и запомнил его. Ну а врач, выезжающий на вызовы, может действовать по собственному усмотрению, у него есть ключ от раздевалки на втором этаже, и он легко, никем не замеченный, попадает из своего кабинета на третьем этаже в приемное отделение. Что еще надо, чтоб увести человека из клиники? Да и потом, ходят слухи о его шашнях с медсестрами. Он вроде никак не женится из-за своих сальных волос, а может, и по другой причине. Словом, как ни крути, больше ничего не придумаешь – это заранее подготовленное, ловко задуманное тайное свидание. Экий ловкач: чтоб покрутить любовь, даже «скорую помощь» использовал. Пришлось, видно, голову поломать – вот до чего похоть доводит.

– Такие серьезные подозрения, и вы ничего не предприняли?

– Что поделаешь – он все-таки врач.

– Как же, по-вашему, быть?

– Мы с вами в одинаковом положении. Ведь вы не захотите, чтобы в истории болезни вашей жены появилась порочащая ее запись?

– Все это не имеет к ней отношения! Она до сих пор болела только гриппом и корью.

– Не петушитесь.

– Дайте мне его телефон – я сам позвоню.

– Нет, по телефону не годится. Кто же станет вам признаваться по телефону? Нагряньте-ка лучше в кабинет, где все это произошло, и, не давая ему опомниться, найдите улики. Если решите всерьез взяться за поиски, я готов вам помочь. Провожу вас до самого его кабинета. Пойдете тихонько за мной. В девять часов врач выходит оттуда. Но знайте наперед: впутываться в ваши дела не стану. Я образцовый больной. Мне удалось наконец получить прекрасную работу, и я портить свою репутацию не желаю.

Странный лифт: прополз мимо второго этажа и остановился на третьем. Он едва двигался, но при этом нещадно громыхал. В нос бил запах карболки.

Охранник объяснил мужчине, как вести себя, чтобы не бросаться в глаза. Не важно, что на нем обычный костюм. Его вполне могут принять за посетителя, навещающего больного, или за торгового агента, явившегося по делу, но, само собою, слишком долго оставаться в клинике и заходить в отдаленные корпуса не следует. Самое безопасное – белый халат. Халатов существует более двенадцати типов, они имеют четко установленные различия: одни для врачей, другие для техников, третьи для служащих. Добыть халат очень трудно. Даже в больничном магазине требуют удостоверение личности. Есть еще одежда для больных и для обслуживающего персонала. Одежда больных не имеет твердо установленного образца. Любая ночная пижама сойдет – лишь бы удобно было лежать в постели. (В этом смысле его жена в своем ночном кимоно могла делать что угодно, не привлекая ничьего внимания. Правда, между восемью и десятью часами утра больные почти никогда не выходят из палат.) Наконец, одежда обслуживающего персонала – желательно, конечно, чтобы она выглядела как рабочая спецовка.

Единственное, что может сделать мужчина сейчас, – это снять пиджак, развязать галстук, чтобы почувствовать себя свободней, и попытаться сыграть роль техника или кого-либо из обслуживающего персонала, порвавшего или испачкавшего халат. Мужчина вдруг вспомнил: у него в портфеле образец туфель для прыжков – и сказал, что, может быть, стоит переобуться. Подошва, правда, толстовата, но они вполне могут сойти за обычные кеды. Охранник одобрил эту мысль. Туфли для прыжков более подходящая обувь, чем кожаные полуботинки.

Спустившись по лестнице, они оказались в конце коридора. Прямо перед ними на стене висела яркая табличка – оранжевым по белому было выведено: «Служебный ход в ночное время», нарисованная рядом стрелка указывала вниз. По правой стене через равные промежутки тянулись окна в алюминиевых рамах, и коридор казался светящимся цилиндром. Слева

темнели так же разделенные равными промежутками двустворчатые застекленные двери, доходявшие до верха деревянной панели узкие окна и проем – должно быть, выход на лестницу. Здесь помещались кабинет диагностики и процедурная; за дверными стеклами бесшумно, как в немо кино, сутились какие-то тени. При виде их мужчине захотелось, чтобы шаги его стали неслышными. К счастью, туфли для прыжков особого шума не производили. Миновав комнату медсестры, они вышли на лестницу.

Одно лишь название – лестница: всего четыре ступеньки, соединявшие построенные на разных уровнях этажи старого и нового корпусов. Отсюда шел наискосок другой коридор. Узкий и плохо освещенный. Его перегородивала одностворчатая ширма с фанерной филенкой – отгороженный кусок коридора служил, наверное, для хранения историй болезней или еще для чего-нибудь. Прямо перед ширмой – дверь. Иероглифы в красной рамке предупреждали: «Посторонним вход воспрещен». Пройдя через нее, они попали в следующий коридор – ослепительно-белый, в целом похожий на первый.

Рядом с лестницей – лифт. Наконец-то они на втором этаже. Миновав несколько дверей без табличек, склад аппаратуры без дверей, туалет, они вышли к месту для курения. Там стояли три деревянные скамьи, пепельница на металлических ножках, у стены выстроились автоматы, продающие сигареты и кофе, и прислоненное к ним кресло-каталка без одного колеса. Здесь коридор раздваивался под острым углом. Виднелись два указателя: один – зеленый с белой надписью «Третья диагностика» – показывал направо; другой – оранжевый с черными иероглифами «Амбулаторная служба» – указывал в ту сторону, откуда они пришли. Левый коридор был лишен каких-либо обозначений.

Коридор этот шел под уклон, поскольку уровни этажей в корпусах, возведенных в разное время, не совпадали. До линии стыка стены коридора были отделаны пластиком, а дальше выкрашены дешевой белой краской. Пол здесь уже был дощатый, и, наверное из-за тишины, в коридоре царил уныние, а слабый свет, пробивавшийся сквозь редкие окна, придавал ему сходство с полосатым серо-белым брюхом змеи.

Кабинет дежурного врача – в самом конце змеиного брюха. Дальше, сказал охранник, он не сделает ни шагу, а мужчине придется миновать место для курения и дойти до нужного кабинета. У развилки коридора охранник заволновался и решительно заявил, что, может, он поступает и плохо, но встревать в это дело у него нет охоты, тут они расстанутся; он почесал за ухом и быстро ушел направо, следуя зеленому указателю.

Восемь часов тринадцать минут. Мужчина сидит на скамье – брюки прилипли к потным ляжкам. Надо бы справить малую нужду, но он терпит через силу, боясь пропустить врача. Однако, сидя здесь без дела, он привлечет к себе внимание и потому, опустив в автомат монету, берет кофе в бумажном стаканчике и потихоньку отхлебывает его, чтобы убить время. Мудреная дорога, думает он. Одному не вернуться. От зеленого к оранжевому указателю пробегает, шаркая подошвами, молоденькая медсестра, в вытянутых руках клубится паром широкогорлая бутылка. Пол непрерывно подрагивает – где-то бесшумно работает машина, над головой грохот: там, казалось, возят корзины с алюминиевой посудой. Секунду-другую откуда-то слышится, как ему почудилось, приглушенный плач женщины.

Когда стаканчик был уже наполовину пуст, в глубине коридора, лишенного указателей, хлопнула дверь. По деревянному полу зазвучали шаги. Шаркая, приближался высокий, хорошо сложенный человек. Халат на нем казался очень коротким. Задрал голову, выпятив грудь, он ступал плавно, словно катился по рельсам. Блеснули толстые стекла очков в массивной черной оправе.

Врач, выезжающий на вызовы, в клинике, наверное, один – значит он и есть. Неужели тот самый человек, который увез жену и где-то спрятал ее? Или, точнее, неужели жена попала на удочку этого врача и, устроив отвратительный спектакль, выскользнула из дому? Хорошо бы положить под пресс воспоминания и выжать из них истину: было ли в поведении жены нечто

дающее основания для подозрений, пусть самых мимолетных. Но выжать ему удастся лишь пот. Просто не верится, что она могла так ловко провести его! Нет, это было бы ужасно. Вдруг ему почудилось, будто врач неимоверно раздулся, точно изображение на экране неотрегулированного телевизора.

Не струсил. Я понимаю, врач, он способен подчинить людей своей воле, но все же верю в свои силы. Пусть я худошав, невзрачен, но зато хорошо тренирован. Его превосходство во весе – пустяк. Да и отступать уже поздно, нужно взять себя в руки. Нельзя поддаваться эмоциям, не то я упущу этот случай. У меня и в мыслях нет считать себя очень уж сильным – не я ли когда-то позировал в качестве обнаженной натуры. Правда, меня завлекли обманом – мол, фото пойдет в журнале спортивной медицины, – и, узнав, что фотографии предназначены для журнала «Хомо», я тут же отказался. Но я не в претензии: разве благодаря этому я не устроился в фирму спортивных товаров, где служу до сих пор? Но и гордиться, мне кажется, здесь особенно нечем. Как утверждают фоторепортеры, требования журнала «Хомо» к моделям весьма строги. Бездумная мощь ни к чему, но слабость еще хуже. Должна чувствоваться способность в случае необходимости легко и быстро нападать.

Я, пожалуй, отвлекся. И вдобавок, забывшись, повел речь от первого лица. Но следует учесть: в такой момент сохранить спокойствие выше человеческих сил. Вот я, снова включив магнитофон, слышу запись тех самых шагов. Отметка счетчика – 874. Туфли без задников на гладкой кожаной подошве, и потому шаги едва слышны, но все равно они достаточно четки. Может, еще оттого, что я сидел на скамье не шелохнувшись. Фон, схожий с шуршанием волн на отмели, – мое дыхание. Шаги все отчетливее и наконец приближаются чуть ли не вплотную: можно даже различить походку и догадаться, что туфли сильно стоптаны. Но вот, пройдя мимо самого микрофона, они вновь начинают удаляться. Шум их постепенно сливается с посторонними звуками, тут кончается первая сторона первой кассеты. Возвращаю ленту до отметки 874. Включаю магнитофон – шаги опять приближаются. Сколько ни прокручивай запись – шаги приближаются снова и снова.

Странную взял я на себя работу. Разве, преследуя по пятам самого себя, увидишь что-нибудь, кроме собственной спины? Но я хочу видеть совсем другое. Скажем, пространство, существование которого я предполагал, но не видел, покуда в нем не появились шаги этого врача... беспрельдно расширяющуюся пропасть, разделяющую с тех пор меня и жену... ничейную землю, по которой свободно может ходить каждый... ревность, застывшую подобно лаве, сохраняющей очертания неистовства...

Врач даже не взглянул на мужчину. Дойдя до места для курения, он повернул влево, следуя зеленому указателю. Туда же ушел и охранник. Устремив в потолок полузакрытые глаза за толстыми стеклами, он проследовал мимо мужчины, не изменив ни осанки, ни шага. Тот сунул в пепельницу бумажный стаканчик с недопитым кофе и встал. Подождав, пока расстояние между ними достигло метров пятнадцати, мужчина двинулся следом.

За первым поворотом оказался лифт. Врач нажал на кнопку, и двери тотчас раскрылись. Наверное, лифт стоял на этом этаже. Врач вошел. Пожалуй, не успеть. Решив, что догнать ему не удастся, мужчина припустил что было сил. Согнувшись, он неслся вперед, отмеривая, благодаря своим туфлям, шаги сантиметром по семьдесят-восемьдесят. Кажется, он все-таки привлек внимание врача. Тот нажал кнопку «стоп» и подождал мужчину. Нет, предупредительность врача его не обманет. Мужчина, потупившись, молчал, врач тоже молчал, уставясь в пол.

Врач нажал кнопку пятого этажа, и мужчина, притворяясь, будто не заметил этого, нажал ту же кнопку. Панель рассчитана на семь этажей. Собрался ли врач по делу? Или там, на пятом этаже, его личная комната – место тайных свиданий?

Выйдя из лифта, мужчина очутился в вестибюле. Простом, но красивом, с вертящейся дверью. Трудно поверить – за дверью оказалась земля. Не искусственный грунт, который укла-

дывают на крышу или террасу, а самая настоящая земля – копай хоть до бесконечности. От подъезда уходила дорога, не очень широкая, но имеющая тротуар и с двух сторон обсаженная деревьями. Должно быть, пятый этаж фасада соответствовал этому, выходящему на грунт. Значит, и это здание построено на крутом склоне холма.

Здесь не было ни регистратуры, ни охранника. Никем не замеченный, мужчина вышел вслед за врачом наружу. Ему показалось, будто голову обдало горячим паром. Голубел лишь зенит, а ниже к горизонту сгущалась пасмурная мгла. Похоже, и сегодня будет ужасный смог. Один из сновавших по дороге микроавтобусов высадил у подъезда несколько мужчин и женщин. Если уж по территории клиники ходят свои автобусы, она занимает, наверное, большую площадь.

Дорога, однако, напоминает обычную улицу. На ней стоит какое-то здание – еще один корпус клиники либо лаборатория, а по соседству с ним – магазины: продуктовый, фототоваров и другие. Кто знает, улица ли внедрилась в клинику, или клиника захватила улицу – могло быть и то и другое. На ближайшем перекрестке развязка для транспорта в двух уровнях, уходящее под мост шоссе – двухрядное движение в обе стороны – забито машинами. Эта важная автострада, должно быть, существовала еще до того, как клиника разрослась, прихватив и второй холм. Непонятно только, кому принадлежит большое стеклянное здание на перекрестке – городу или клинике. Наконец мужчине удалось прочитать не очень-то бросающую вывеску над окнами верхнего этажа: «Прокат постельных принадлежностей». Естественно, когда рядом огромная клиника, прокат постельных принадлежностей – неплохой бизнес. Значит, это здание находится на больничной территории.

Они подошли к тройной развилке со светофором. Одна из дорог резко шла под уклон, во втором доме от угла была закусочная. Врач вошел в нее уверенно, как завсегдатай. Над навесом вместо вывески прикреплена огромная вилка. Похоже, закусочная специализируется на спагетти. Вполне подходящее место для свидания. Готовый в любой момент ворваться внутрь, мужчина задышал размеренно, расслабился и со скучающим видом стал прогуливаться у входа. В закусочной был один-единственный посетитель. Время ли было раннее, но врач сидел там в одиночестве. «Дешевая японская кухня – икра трески на бамбуковой решетке и суп из мисо⁴ – 370 иен». Действительно дешево, но лучше потерпеть. Врач, держа в руке меню, вытирал влажной горячей салфеткой лицо и шею, не замечая мужчину. Слишком уж глупый у него вид для человека, способного заманить женщину в «скорую помощь», чтобы похитить ее. А может, жена запаздывает? Что ж, в любом случае мужчина занял выгодную позицию.

Голод еще можно было терпеть, но мочевого пузыря не давал покоя. Мужчина начал мочиться у закрытой лавки плетельщика циновок. Прохожих по-прежнему почти не видно – как-никак территория клиники. Вдруг из-за угла появились двое в спортивных трусах. Коротко стриженные, усаые, они походили на студентов, занимающихся карате. Бежали они, видно, уже давно – вспотели с ног до головы. Пробегая мимо мужчины, один из них сильно ткнул его в бок. Мужчина поспешно застегнул молнию. Бегуны скрылись, и мужчина вздохнул с облегчением. Не справь он до этого нужду, не спустил бы обидчику. Поднял шум – и все бы пошло прахом.

Закурил. Он настороженно прислушивался, как несется, точно порыв ветра, время, а иное, его время застыло где-то внутри и замерло в неподвижности. Четыре окурка валялись под ногами, в зубах зажата пятая сигарета. Значит, он выкурил половину своей дневной нормы. Остаток надо расходовать экономнее.

Мужчина докурил пятую сигарету лишь до половины, когда из закусочной появился врач. Он не выглядел ни раздраженным, ни грустным. Пожалуй, никакого уговора с женой у него

---

⁴ *Мисо* – паста из перебродивших соевых бобов, используется для приготовления супа, который по-японски называется «мисосиру».

не было. Уверенность мужчины начала рушиться, но стоит прекратить преследование – и оборвется ниточка надежды, за которую он с трудом цеплялся. Врач был без халата. Наверное, портфель его так вздулся оттого, что в нем упрятан халат. А может, он положил в портфель коробку спагетти в подарок жене?

Врач вернулся к развилке и пошел налево – к станции метро. Люди выходят и входят, но их немного, и мужчина, не колеблясь, направился вслед за врачом. Тот миновал контролера и по подземному переходу вышел на другую сторону улицы. Пейзаж совершенно переменялся – здесь проходила узкая дорога, окаймлявшая унылый обрыв, на обочинах высились в рост человека густые заросли полыни. Параллельно дороге были проложены рельсы, тянувшиеся из расположенного выше тоннеля. Возможно, это была та же линия метро. Мужчина захотел проверить свою догадку, но название станции над входом обозначено не было.

Прямая дорога для преследования неудобна – в любую минуту врач может обернуться, но, к счастью, он шел, ничего не замечая вокруг. Поди тут пойми: надулся ли он от спеси или просто погрузился в свои мысли. Через просветы полыни внизу виднелось серое море. Желтые здания, выстроившиеся вдоль обрыва, прочерчивали на нем поперечные полосы, они, казалось, дрожали в жарком августовском мареве. Если даже это склады, они прекрасно вписались в ландшафт.

Мужчина зашагал вниз по крутой каменной лестнице и примерно на середине склона увидел торговую улицу. Обрыв нависал козырьком, поэтому сверху улицу не было видно. Каждый пятый магазин – овощной или цветочный, торговля шла вроде не очень бойко. Может быть, эти магазины тоже обслуживают клинику? Примерно от середины улицы снова шла вверх прорезавшая холм дорога. В конце ее стоял украшенный искусственными орхидеями Дзидзо, бог – покровитель детей и путников; струйка, бежавшая из водоотводной трубы, образовала у его ног пенящееся озерцо. Дорога закончилась лестницей. Поднявшись по ней, мужчина вышел к жилому массиву, обрыв не нависал над ним, вверху синело небо.

По всему склону разбросаны были неухоженные газоны и чахлые деревца, меж которыми торчали такие же жалкие домишки. Склон выгибался наподобие линзы, плохо просматривался, и можно было разглядеть лишь два-три десятка домов. Все двухэтажные, с входом посередине; правая и левая половины предназначались каждая для одной семьи; некоторые дома рассчитаны были на четыре семьи – первый и второй этажи их делились еще надвое. Это были старомодные постройки – фасады грубо оштукатурены, маленькие окна в толстых деревянных рамах. Скорее всего, дома для врачей или служащих клиники – удивительно унылый пейзаж. Совсем мертвый, возможно из-за валявшихся кругом искореженных велосипедов, поломанных клеток – в них раньше держали, наверное, мелкую живность. А может быть, в этих зданиях разместились специальные лаборатории или больничные палаты. Впрочем, как знать, не выселены ли отсюда по плану реконструкции все жилыцы.

Наконец у одного из домов врач остановился. Дорожка петляла от постройки к постройке, будто на детском рисунке, вдобавок густые насаждения ограничивали видимость – для преследования очень удобно. Но и наблюдать за врачом стало труднее. Дом, у которого он остановился, отличался от прочих лишь висящей на стене табличкой с номером 5–4, да еще серая штукатурка чуть отливала зеленой. Спроси кто-нибудь мужчину, как пройти сюда от дороги, вырытой в холме, он бы не смог ничего объяснить. Помнил лишь, что далеко.

Увидав, что врач вынул из ящика почту и поднялся по лестнице, мужчина, пригнувшись за кустами, одним махом проскочил двор и стал осматриваться. Почтовых ящиков было четыре – судя по покрывающей их пыли и ржавчине, использовался лишь один. Врач стоял на лестничной площадке спиной к грязному окну, в котором он вырисовывался темным силуэтом, и, согнувшись, возился с замком. Левая дверь на втором этаже. Воздух насыщен буровой пылью, пахнет падалью. Мужчина вздрогнул от дурного предчувствия. Способность мыслить растопилась, как жир в кипятке, стала тоньше бумаги. Его терзало уже не тайное свидание

жены с любовником, он боялся обнаружить ее труп. Если это одно из зданий клиники, здесь, вполне возможно, ставятся опыты над живыми людьми. И это настолько мерзкое дело, что грязные опыты свои врач ставит в одиночку, даже присутствие медсестры нежелательно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.